

Маклеод Генри Дауннинг

**Основания политической
экономики**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г34

Г34 **Генри Дауннинг М.**
Основания политической экономики / Маклеод Генри Дауннинг – М.: Книга по Требованию,
2023. – 640 с.

ISBN 978-5-519-94843-2

ISBN 978-5-519-94843-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Цѣль настоящаго труда—упрочить и установить новыя понятія и начала въ политической экономіи, изложенныя въ моей „*Теоріи и практикѣ банковаго дѣла*“ („Theory and Practice of Banking“). Въ видахъ точнѣйшаго объясненія этого предмета, я счелъ нужнымъ положить новыя основанія науки. Но при этомъ я испытывалъ чувствительное затрудненіе. Для того, чтобы провести новыя мысли и мнѣнія, необходимъ большой запасъ разсужденій и полемики. Удовлетворительное же выполненіе этого условія повело бы къ чрезмѣрному распространенію всего труда планъ котораго и безъ того уже заключаетъ въ себѣ обширный кругъ предметовъ. Потому, я, до нѣкоторой степени, вынужденъ былъ ограничиться болѣе сжатыми разсужденіями, чѣмъ бы требовала сущность предмета, для совершеннаго выполненія задачи. Итакъ, предметъ настоящаго труда—расширить и укрѣпить основанія науки, въ томъ видѣ, какъ она разсматривается въ упомянутомъ сочиненіи о банкахъ. Такимъ образомъ, между обоими трудами много общаго, и тѣ отдѣлы первоначальнаго труда, которые примѣняются къ обоимъ, вошли сюда, какъ составныя части.

Усвоенный мною взглядъ на истинные предѣлы науки политической экономіи существенно разнится съ воззрѣніями, проводимыми въ важнѣйшихъ твореніяхъ по той же части. По моему убѣжденію, истинный предметъ науки политической экономіи состоитъ въ *открытіи законовъ, определяющихъ многочисленныя отношенія количествъ* (the true object of the pure science of Political Economy is to discover the laws that regulate the Exchangeable Relations of Quantities). Такое опредѣленіе подходитъ, кажется, очень близко къ мыслямъ, по крайней мѣрѣ, одного извѣстнаго писателя — архіепископа Ватли (Whathely). Впрочемъ, я имѣю полное право сказать, что мое мнѣніе объ этомъ предметѣ образовалось совершенно самостоятельно и даже прежде, нежели я ознакомился съ сочиненіемъ Ватли. Тѣ же убѣжденія, повидимому, приходили на умъ и другимъ писателямъ; но никто еще до сихъ поръ не написалъ систематическаго сочиненія, которое бы основывалось на такой мысли. Взгляды предшествовавшихъ писателей и причины, которыя привели меня къ попыткѣ основать на этой идеѣ цѣлую систему, объяснены вкратцѣ въ *предварительныхъ замчаніяхъ*.

Политическая экономія, подобно геологіи, есть наука, по преимуществу, практическая. Сильно заблуждаются люди, которые полагаютъ, что она можетъ быть построена въ кабинетѣ, подобно какой-нибудь отвлеченной наукѣ. Напротивъ того, она требуетъ близкаго практическаго знакомства съ большимъ числомъ предметовъ, весьма разнообразныхъ. Природа несравненно утонченнѣе чѣмъ самый острый человѣческій умъ,—говорить Баконъ,—и на практикѣ встрѣчается очень много различныхъ обстоятельствъ первостепенной важности для политической экономіи, — обстоятельствъ, доступныхъ наблюденію лишь такого лица, которое практически освоилось съ предметомъ. Кроме того, совершенно необходимо, чтобы эти факты и ихъ соотношеніе выража-

лись на языкѣ, проникнутомъ самою строгою научною точностью.

Силы, создающія явленія политической экономіи, точно такъ же несомнѣнны, точны и непогрѣшительны, какъ силы, дѣйствующія въ механикѣ, и должны быть выражаемы языкомъ, доступнымъ такому же научному контролю. Политическая экономія не можетъ быть приведена въ удовлетворительное состояніе до тѣхъ поръ, пока значеніе каждаго ея термина не будетъ столь же строго очерчено, пока каждое положеніе или мысль не будетъ доказана съ тою же строгою отчетливостью, какъ это замѣчается въ механикѣ. И успѣхъ въ одной наукѣ зависитъ отъ той же самой способности, какъ и въ другой, именно—отъ способности разграниченія идей, разложенія сложныхъ представленій на ихъ составныя части. „Nella maggior parte degli uomini manca il vigore per rimontare ai principii grandi e universali, e discomporre con analisi le mal combinate idee, unico mezzo per discoprire le vere relazione delle cose.“ ⁽¹⁾

Утѣшительно и знаменательно явленіе, что сочиненія Бакона становятся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе популярными. Здѣсь не мѣсто входить въ общія разсужденія о первостепенныхъ заслугахъ этого писателя. Но одна изъ его особенностей близко касается настоящаго предмета. Онъ тщательно проводитъ доктрину о единствѣ науки. Имя его слишкомъ исключительно связывалось собственно съ физикою, тогда какъ онъ постоянно выражаетъ мысль, что натуральная философія служить истиннымъ приготовленіемъ и ру-

(1) «Большинству людей недостаетъ способности восходить къ основнымъ и всеобщимъ принципамъ, и разлагать, путемъ анализа, худо соединенныя идеи, хотя это—единственное средство открыть истинныя соотношенія вещей.» Beccaria: *«Del Disordine delle Monete nello Stato di Milano»*, 1762.

ководствомъ къ успѣшному изученію нравственной и политической науки. Онъ называетъ ее „матерью наукъ“, доказываетъ, что одни и тѣ же общія начала мышленія лежатъ въ основѣ каждой науки, и предостерегаетъ насъ отъ попытки нарушить послѣдовательность наукъ. „Atque hoc pro regulâ ponatur generali; quod omnes scientiarum partitiones ita intelligantur et adhibeantur, ut scientias potius signent aut distinguant, quam secent et divellant; ut perpetuo evitetur solutio continuitatis in scientiis. Hujus etenim contrarium particulares scientias steriles reddidit, inanes et erroneas; dum a fonte et fomite communi non aluntur, sustentantur et rectificantur.“ (¹)

Что одни и тѣ же основныя начала мышленія свойственны всѣмъ наукамъ, это истина, которая дотого извѣстна, что о ней нечего распространяться. Еслибы, слѣдовательно, могло быть доказано, что аргументы, приводимые писателями по части политической экономіи, составляютъ явное нарушеніе всѣхъ основаній мышленія, признанныхъ въ натуральной философіи, то одного этого было бы достаточно, чтобы осудить означенные аргументы. Между тѣмъ, именно это случилось съ главнѣйшими твореніями по части политической экономіи, которыя оказали, въ новѣйшее время, очень сильное вліяніе на общественное мнѣніе.

Рикардо былъ человѣкъ, одаренный отъ природы зна-

(¹) «Слѣдуетъ постановить общимъ правиломъ, что всѣ части наукъ должны быть понимаемы и принимаемы такимъ образомъ, чтобы науки скорѣе обозначались и различались другъ отъ друга, чѣмъ разсѣкались и разрывались одна отъ другой, дабы чрезъ то не нарушилась послѣдовательность въ наукахъ. Начало противоположное этому дѣлаетъ отдѣльныя науки бесплодными, пустыми и лживыми, ибо тогда онѣ не питаются, не поддерживаются и не исправляются у общаго источника или общаго очага.» *«De Augm. Sc.»*, L. IV, cap. I.

чительною силою мышленія; но, къ сожалѣнію, онъ не усвоилъ себѣ, какъ извѣстно, тѣхъ необходимыхъ приѣмовъ естественныхъ наукъ, безъ знанія которыхъ никто, при всей остротѣ естественныхъ способностей, не въ состояніи написать сочиненіе на научныхъ основаніяхъ. „Ни пустая рука, ни умъ, лишенный направленія, не можетъ совершить многое,“—говоритъ Баконъ; „и та и другой нуждаются въ извѣстныхъ орудіяхъ и указаніяхъ.“ Хотя сочиненіе Рикардо выказываетъ въ немъ большую способность къ отвлеченному мышленію; но всякій, кто понимаетъ общія начала натуральной философіи, не можетъ не замѣтить, съ перваго взгляда, что трудъ его діаметрально противорѣчитъ этимъ началамъ. Онъ представляетъ полное нарушеніе той послѣдовательности въ наукѣ, которая всеми признается необходимымъ условіемъ. Вѣрить Рикардо въ настоящее время было бы грубымъ анахронизмомъ; зато ни одно сочиненіе такъ не затемнило правильнаго взгляда на науку политической экономіи, какъ сочиненіе Рикардо, въ которомъ много силы, но силы худо направленной.

Баконъ говоритъ, что всякая наука имѣетъ предметомъ составить истинное понятіе о вещахъ и открыть законы ихъ взаимныхъ отношеній, или общія начала, — *notiones* и *axiomata*. Онъ утверждаетъ, что открытіе этихъ законовъ совершается на основаніи одинаковыхъ общихъ методовъ, и что для доказательства ихъ правильности употребляются одни и тѣ же приемы. Одинъ изъ главныхъ методовъ есть методъ отверженія и исключенія. Но, выразивъ эту мысль, онъ обратилъ свое вниманіе, преимущественно, на методъ повѣрки аксіомъ, или общихъ началъ, и сказалъ очень немного о понятіяхъ или опредѣленіяхъ. Впрочемъ, большая часть людей, занимавшихся разработкою натуральной философіи, сосредоточивали свое вниманіе, не столько на понятіяхъ, сколько на принципахъ. Мы убѣдимся, однако, что политическая экономія представляетъ многія

явленія поразительной красоты, въ которыхъ великія истины, выведенныя на основаніи принциповъ, познаются на основаніи понятій.

Черезъ эту таинственную связь, существующую между мышленіемъ и дѣйствительностью, оказывается постоянно, что, если составляются о вещахъ понятія вѣрныя природѣ, а результаты опредѣляются путемъ мышленія, которое также вѣрно природѣ, то и тѣ и другіе выходятъ соотвѣтствующими дѣйствительности. Другими словами, если составляются вѣрныя понятія и если размышленіе о нихъ правильно, то послѣдствія могутъ быть *предсказаны*. Но если результаты, бывъ заранѣе рассчитаны, оказываются, не только не соотвѣтствующими природѣ, но очевидно и явно ошибочными, то мы можемъ сказать съ убѣжденіемъ, что или мышленіе или понятіе должны быть ложны. Если же будетъ доказано, что мышленіе безупречно, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что понятіе было неправильно.

Наглядный примѣръ, въ доказательство нами сказаннаго, представляютъ существующія понятія о бумажныхъ деньгахъ и монетѣ (*paper currency and money*). По общему понятію, бумажныя деньги служатъ лишь представителями металлическаго запаса, какъ предмета цѣннаго, — не потому, чтобы металлическій фондъ заключалъ въ себѣ какія-либо особыя, спеціальныя свойства, а вслѣдствіе лишь вообще признаваемыхъ въ томъ удобствъ. Съ усвоеніемъ такого понятія, укоренилась мысль, составляющая особенность денежной теоріи Джона Ло, — что бумажные денежные знаки могутъ представлять всякій другой цѣнный предметъ. точно такъ же какъ и металлическій фондъ, и что если въ такомъ фондѣ встрѣчается недостатокъ, то единственное условіе, необходимое для упроченія и обезпеченія денежнаго обращенія, заключается въ томъ, чтобы денежное обращеніе основать на какой-либо другой цѣнности. Теперь, вполне

правильно *разсужденіе*, что если бумажныя деньги служатъ представителями цѣнности, то монетная теорія Ло не можетъ быть опровергнута. Ло доказываетъ лишь то, что если денежные знаки представляютъ цѣнный предметъ, то они не могутъ подвергнуться ущербу въ своемъ достоинствѣ (обесцѣненію или депреціаціи). Въ этомъ выводѣ нѣтъ никакого промаха. Между тѣмъ, планъ Ло, при его кажущихся достоинствахъ, подвергнется неоднократнымъ испытаніямъ и приводитъ постоянно къ ужаснѣйшимъ переворотамъ, какіе когда-либо совершались на землѣ. Это доказываетъ, что планъ *долженъ быть* ошибоченъ, но такъ какъ приведенное сужденіе было правильно, то ошибка *должна* заключаться въ понятіи.

Мы будемъ слѣдовать баконову методу отверженія и исключенія. Если система бумажныхъ денежныхъ знаковъ удастся, когда она основана на металлическомъ фондѣ, и не удастся, когда имѣетъ основаніемъ металлическій фондъ и другіе предметы, такъ же цѣнные, то изъ этого слѣдуетъ, что мы должны искать такого понятія, которое *включало бы* въ свой кругъ металлическій фондъ и *исключало* прочіе предметы. Мы именно такъ и поступили. Мы убѣдились, что система денежныхъ знаковъ основана на металлическомъ фондѣ, какъ на специальномъ представителѣ *долга*, а не какъ на безразличномъ цѣнномъ предметѣ. Металлическій фондъ есть представитель долга, а прочіе предметы не имѣютъ этого значенія. Бумажные денежные знаки суть также представители долга. Бумажные денежные знаки и металлическій фондъ суть однородныя количества; бумажные денежные знаки и прочіе цѣнные предметы не суть однородныя количества. Лишь только мы усвоимъ себѣ понятіе о денежныхъ знакахъ, какъ представителей долга, ошибочность монетной теоріи Ло сдѣлается для насъ очевидною. Тотчасъ окажется, что основывать систему бу-

мажныхъ денежныхъ знаковъ на товарныхъ цѣнностяхъ значить нарушать упомянутое коренное правило. Немедленно обнаружится, что подобное дѣйствіе заключаетъ въ себѣ противорѣчивый выводъ, будто *мы можемъ купить вещь и въ то же время сохранить сумму, заплаченную за эту вещь*. Съ принятіемъ нашего понятія о свойствѣ денегъ, всѣ случившіяся въ денежной системѣ катастрофы могли бы быть предсказаны: что онѣ случились, это потому, что должны были непременно случиться. Нѣтъ сомнѣнія, что мы получили, наконецъ, истинное понятіе о свойствѣ денежныхъ знаковъ. Денежные знаки суть представители *долги*, а не *цѣнности* (Currency is the representative of debt and not of value).

Этотъ результатъ не подлежитъ сомнѣнію; онъ не можетъ быть предметомъ личнаго убѣжденія, а составляетъ положительную дѣйствительность. Онъ добытъ такимъ же процессомъ мышленія, какимъ достигаются всѣ результаты, признаваемые за истинные. Утверждать, что бумажные деньги служатъ представителями цѣнности, такъ же неосновательно, какъ доказывать, что солнце обращается вокругъ земли. Вѣрность одного результата зависитъ отъ того же самаго принципа, какъ и вѣрность другаго; именно—отъ возможности доказать, что результаты, полученные размышленіемъ, основаннымъ на такихъ понятіяхъ, необходимо соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ явленіямъ.

Нѣтъ науки, которая была бы такъ способна ввести въ заблужденіе неосторожнаго человѣка, какъ политическая экономія. Въ большей части другихъ наукъ термины своеобразны, новы и типичны. Они съ перваго раза обращаютъ на себя вниманіе учащагося, и онъ тотчасъ же проникается желаніемъ узнать ихъ истинное значеніе. Освоившись съ этимъ значеніемъ, онъ всегда соединяетъ съ извѣстными словами опредѣленные

идеи. Напротивъ того, слова, служащія техническими терминами въ политической экономіи, такъ общеизвѣстны, что люди употребляютъ ихъ безъ особенной осторожности и никогда не останавливаются, чтобы размыслить, имѣютъ ли они точное понятіе объ истинномъ смыслѣ словъ, ими употребляемыхъ.

Вслѣдствіе этого, техническій языкъ политической экономіи до чрезвычайности искаженъ. Первое, что предстоитъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, это — произвести коренную и полную реформу въ номенклатурѣ предмета, установить и опредѣлить истинное понятіе о всѣхъ техническихъ терминахъ науки, руководствуясь тѣми же самыми началами, какія приняты въ другихъ отрасляхъ знанія.

„Въ правильномъ опредѣленіи названій заключается первое употребленіе языка, составляющее приобрѣтеніе науки. Въ неправильныхъ же опредѣленіяхъ, или въ отсутствіи опредѣленій, заключается первое злоупотребленіе, изъ котораго возникаютъ всѣ ложные и безсмысленные толки.“ Такъ говоритъ Гоббесъ ⁽¹⁾ и едвали кому-нибудь удавалось высказать болѣе вѣрную истину. Другой писатель, который хорошо поступилъ бы, еслибы ближе слѣдовалъ своимъ ощущеніямъ, сказалъ: „Проникнуть въ скрытыя условія, отъ которыхъ зависятъ условія внѣшнія, явныя, — составляетъ часто одну изъ труднѣйшихъ научныхъ задачъ. Но, будучи одною изъ труднѣйшихъ, задача эта почти всегда бываетъ одною изъ важнѣйшихъ. И такъ какъ отъ результата такого изслѣдованія, относящагося къ опредѣленію свойствъ извѣстнаго рода предметовъ, по необходимости зависитъ вопросъ: какое значеніе слѣдуетъ придавать тому или другому слову, — то многія изъ самыхъ глубокихъ и самыхъ важныхъ изысканій, представляемыхъ намъ философій, предпри-

(1) «*Leviathan*». Pt. I. ch. IV.

няты были съ цѣлю и подъ видомъ изслѣдованій для опредѣленія названія предмета.“⁽¹⁾

И это точно такъ же прилагается къ политической экономіи, какъ и ко всякой другой наукѣ, хотя до сихъ поръ мало обращали на то вниманія. Вопросъ о томъ, составляетъ ли орудіе обращенія (*circulating medium*) такое орудіе, которое обращается само, или такое орудіе, которое приводитъ въ обращеніе другіе предметы, — представляетъ первостепенную важность. Никакой успѣхъ не можетъ быть достигнутъ, пока не установится, на научныхъ началахъ, вопросъ о томъ, относятся ли векселя къ числу орудій обращенія, или не относятся.

Ничто въ такой мѣрѣ, какъ политическая экономія, не въ состояніи доказать чрезвычайную важность и могущественное вліяніе, оказываемыя на дѣйствія людей правильными или неправильными опредѣленіями. Если мысль не управляетъ языкомъ, то языкъ скоро подчиняетъ себѣ мысль и управляетъ дѣйствіями. Какая длинная вереница заблужденій, преступленій, увлеченій и самообольщеній вызвана была выраженіемъ „торговый балансъ“ (*Balance of Trade*). Люди совершили множество блистательныхъ открытій въ области естественныхъ наукъ, прежде, нежели имъ удалось извѣдать простой фактъ, что въ торговлѣ обѣ стороны должны выигрывать.

Если, такимъ образомъ, столь важно бываетъ устанавливать номенклатуру въ наукѣ, то первое необходимое условіе состоитъ въ томъ, чтобы составить точное опредѣленіе самой науки. Вслѣдствіе этого, въ *предварительныхъ замѣчаніяхъ*, я, въ короткихъ словахъ, изложилъ обстоятельства, въ которыхъ наука возникла, обозначилъ ея сущность и предѣлы, которые придавались ей

(1) J. S. Mill: «*System of Logic*». v. I, p. 175.